

Магнитогорский космополит

Его имя сегодня — всемирно известный бренд

родская я

Он был одним из организаторов фестиваля «Половодье» несколько лет подряд. Его коллекции были под стать задумке фестиваля — совершенно «не носибельные», но очень творческие — в духе авангарда. В этом году он приехал на «Половодье» в качестве почетного московского гостя — потому что ровно три года назад он отбыл из родного города покорять столицу. И ему это удалось. Во всяком случае, так говорит о нем столичная пресса, щедро одаряющая многочисленными статьями, заметками, не оплачиваемыми. Теперь его имя — это дизайнерская марка, которая пишется латиницей — Max Chernitsov, потому что на Западе его тоже благосклонно приняли в круг ведущих дизайнеров. А в общении он остался простым приятным молодым человеком по имени Максим. Он настолько не завездился, что узнавал и по-приятельски здоровался с магнитогорскими журналистами, подходившими к нему. У меня на душе тоже стало очень тепло, когда он сказал мне после приветствия: «А я вас прекрасно помню — мы общались несколько лет назад». И все же он очень изменился — по крайней мере, изменилась его коллекция, представленная на суд зрителей на «Половодье-2005». А ведь говорят, что коллекция — это душа дизайнера. Значит, она тоже претерпела изменения. Какие именно? Об этом — наш разговор с уроженцем Магнитогорска, а ныне известным столичным дизайнером Максимом Черницовым.

— Итак, Максим, куда делся тот милый мальчик в чудовищном шлеме и в костюме чуть ли не из бумаги?

— Вы помните мои ранние коллекции? Это приятно.

— Конечно, помню. Это было — уау! — так авангардно. А вчера я смотрела вашу коллекцию prêt-à-porte (готовой одежды) и ловила себя на мысли, что сама не прочь бы приобрести пару юбочек, беленькие брючки и пару олимпийек, а уж меня-то любительницей авангардных нарядов точно не назовешь. Так почему такие перемены?

— Доводов много. Главное — существуют жесткие условия, и если ты хочешь работать в этой профессии, то надо им соответствовать. Понимаете, путь успеха — это очень узкая дорога, и чтобы на нее встать, надо откататься от того, от другого... Талант дизайнера здесь зависит даже не от того, насколько он удивительный создатель имиджа, а от того, чтобы он смог сделать яркое шоу и вставить какие-то элементы авторского дизайна, какой-то свой крой, но при этом вещи бы остались в рамках этой узкой тропинки. В данном случае тропинки prêt-à-porte, то есть вещей, которые люди хотят покупать.

— Трудно в Москве начать собственное дело приезжему?

— Трудно, конечно! Вообще, все дело случая.

— Ну, перестаньте, это неправда! Скажем так: существует несколько путей, и грандиозный талант — не самый прямой путь к успеху. У меня так сложились звезды, что произошло совмещение моих творческих способностей и коммерческих способностей моего директора. И, конечно же, сыграла роль поддержка глянцевого журнала.

— Чтобы заручиться этой поддержкой, нужно как минимум понравиться глянцевым журналам, верно?

— Да. Впрочем, скажу честно: за три года, которые я живу в Москве, ситуация поменялась в корне. Когда я приехал в столицу, было много возможностей использования, скажем так, некоммерческих ресурсов. Например, я удачно показался на конкурсе молодых дизайнеров, выступил на Неделе моды и сразу попал в журнал Vogue как открытие года, а это главный журнал страны. Теперь это практически невозможно. Потому что все гляцевые журналы стали очень зависимы от коммерческих отделов, и информацию о дизайнерах они распространяют только как рекламу, а значит, за деньги.

— То есть, по большому счету, можно сказать, что талантливых дизайнеров теперь мы не увидим, если они, конечно, не нашли себе инвесторов. Так?

— Да. И кстати, может, именно поэтому последние два года нет в России настоящего открытия в мире моды. Инвесторы хотят вкладывать деньги только в раскрученные бренды. А я как раз успел запрыгнуть на подножку уже уходящего счастливого трамвайчика.

— Значит, фэшн-индустрия — такой же жестокий бизнес, как, скажем, шоу-бизнес?

— Абсолютно! У нас в стране по-прежнему качать нефть и рубить лес намного проще, чем заниматься модой. Это очень сложный бизнес: каждые полгода ты рискуешь остаться без всего, если коллекция не понравилась и ее не купили. Каждые полгода ты должен доказывать свою состоятельность и привлекать внимание прессы, потому что от нее зависит очень многое. Каждые полгода меняются тенденции, и надо менять свой продукт, а значит, весь производственный цикл и так далее. Но динамика развития сейчас хорошая. Причем развивается в первую очередь не рынок дизайнерской одежды, а рынок масс-маркетинга. Вот даже в Магнитогорске: Sela, еще что-то — дешевые массовые марки.

— Ну, знаете, скорее массовые, чем дешевые! У нас Benetton, к примеру, прямо-таки одежда для избранных, несмотря на то что в мире в нее одеваются небогатые люди, дети и молодежь.

— Да, я заметил, что в Магнитке какой-то культ этой фирмы. И накрутки просто фантастические.

— Думаю, этому способствует наше слепое поклонение именам без всяких на то причин.

— (смеется — прим. авт.) Для дизайнеров это не так уж плохо, потому что именно на этом мы зарабатываем себе деньги. Другое дело, в Магнитогорске, я заметил, в качестве новинок по баснословным ценам выставляют коллекции, которые в Москве давным-давно на распродажах.

— Теперь давайте о вас. Обычно все подобные истории начинаются очень романтически: приехал как провинциал в Москву, в кармане у него было десять долларов, не хватало даже на обратный билет в случае чего. А через несколько лет он стал знаменитым и богатым. Так?

— Нет. Просто так приехать в Москву, кричать о том, что ты такой хороший и надеяться на то, что тебя услышат, — это нереально. Три года я, еще магнитогорец, ездил на конкурсы мо-

лодых дизайнеров в Челябинск, Екатеринбург. Меня зарубали, не пускали на финал в Москву. У меня были яркие коллекции, но в провинции в жюри, к сожалению, сидят в лучшем случае тетюшки из местных домов моды, а чаще всего спонсоры мероприятия, к моде не имеющие никакого отношения. С огласитесь, странно, когда люди предпенсионного возраста судят о молодежной моде. Поэтому однажды я решил ехать сразу в Петербург на полуфинал конкурса под патронажем марки Smittoff. Какой же это год был — то ли 2000, то ли 2001...

— Неужели такие переломные моменты можно забыть?

— Я живу настоящим, а прошлое — просто легкое воспоминание. В Питере жюри, обсуждая меня, разделилось на две половины: кто-то говорил, что моя коллекция — единственный пример дизайнера, кто-то, наоборот, не видел во мне никакой искры таланта. В общем, по баллам я не прошел в финал. Но в тот год своего фаворита было поручено выбрать также прессе, и подавляющее большинство назвали лучшей коллекцией именно мою «Лихорадку Пушкина». Так я попал на финал в Москву.

— Именно тогда поняли, что — все, бога за бороду поймали?

— Ну, скажем так: что-то произошло — это точно. У меня всегда была четкая установка: я хочу заниматься только тем делом, которое мне нравится. Поэтому я бросил все свои резервы на то, чтобы попасть туда: обаяние, творчество, энергия...

— А когда проигрывали, какие мысли в голове были: что вы бездарь, что люди сволочи, что не судьба?..

— Все сразу — вся гамма чувств.

— И все равно ехали на следующий год?

— Да... Но если бы я не попал тогда в Москву, наверное, я остался бы в Магнитогорске. Может, занялся бы преподаванием: я ведь тогда защитил кандидатскую диссертацию по филологии.

— Ну, так что же было в Москве?

— Там я тоже не стал победителем, занял только второе место. И снова случайность — одна из тех, которые определяют судьбу. Буквально через два дня в Москве проходил другой конкурс, на который у одного из моих знакомых был пригласительный билет. И мы подделали еще билетов несколько для себя.

— Макс, вы сейчас с прессой говорите, вы не забыли?

— (смеется — прим. авт.) Ну, это ведь было не коммерческое мероприятие. Приглашения были бесплатные, так что ничего криминального мы не натворили. И на этом конкурсе я осмелился подойти к известному искусствоведу Васильеву, который присутствовал на моем показе в Питере. Господи, вот что значит студенческая наивность! Подхожу и спрашиваю: а вы помните мою коллекцию? Странно, но он ее помнил. И посоветовал мне идти за помощью к главному редактору журнала Vogue Алене Долецкой, которой мой дизайн тоже понравился. Наверное, просто так сказал, чтобы скорее попрощаться, но я воспринял все буквально и после нескольких дней телефонной борьбы с секретарями получил разрешение прийти в редакцию. Сейчас, я повторяю, это просто не-воз-мож-но. Алена Долецкая попросила прислать ей мое портфолио, и я вернулся в Магнитогорск, чтобы его сделать. В Москву приехал через восемь месяцев, и с тех пор я там.

— Сейчас, по прошествии времени, как вы думаете, что вам помогло? Я понимаю, что прежде всего это целеустремленность. Но на чем она зиждилась: на злости, на таланте, на наивности студенческой, когда вы позволяли себе подойти к величине и просто так попросить помочь?

— Думаю, на наивности и мысли, что вот — я делаю свое дело, значит, все должно получиться.

— Помните свой самый трудный день в материальном или моральном плане, когда приехали в Москву?

— Депрессии бывают у всех. Поначалу было психологически трудно в чужом городе — ностальгия мучила. Вспоминал: вот этот переулочек, подъезд, тропинка... Потом воспоминания стали более крупными: здание, двор... А потом вообще все стерлось, и сейчас, по большому счету, Магнитогорск — это всего лишь место, где живут мои родители, родственники, друзья... У меня нет понятия «дом».

— Значит, правда, что все дизайнеры — космополиты?

— Да, к сожалению. Есть просто место, где тебе максимально комфортно, удобно.

— Рассматриваете ли вы Магнитогорск хотя бы гипотетически в качестве бизнес-проекта? Ведь здесь вам продавать свои коллекции будет гораздо легче, чем в Москве: аренда помещений и реклама стоят дешевле, чем в столице. Тем более, вы именитый земляк, вам пойдет навстречу. Опять же, производством можно наладить, загрузить мощности нашей швейной фабрики...

— А что на вашей швейной фабрике

Фото Дмитрия Рухмалева

есть такого, что можно загрузить? Я работал на ней и больше ни за что туда не вернулся — это точно: полный развал! Нет, я доверяю своему директору, а она считает, что на данном этапе нам выгоднее и удобнее сконцентрировать производство в Москве. А насчет продаж в Магнитогорске... Скажу без излишней скромности: представленную здесь коллекцию у меня просто «разорвали» — что-то мы сразу же продали после показа, что-то подарили. В этом году мы заключили контракт с итальянским шоу-румом. Это компании, которые сотрудничают с несколькими дизайнерскими марками и содействуют их продажам по всему миру. По условиям контракта, самостоятельно мы можем продавать свою одежду только в Москве. Все остальные продажи — через Милан.

— В Москве, я слышала, вы тоже попали в элитный список дизайнерских марок.

— Во всяком случае, наша марка — единственный российский бренд, продаваемый в ЦУМе. ЦУМ — это столичный суперпроект последних двух лет. Всеми любимая компания Mercury, торгующая драгоценностями и одеждой класса «люкс», выкупила этот пришедший в упадок магазин. Там все перестроено под европейский уровень, там продают легендарные европейские марки: Prada, Dolce & Gabbana и так далее. А теперь, с февраля, там продают и нашу мужскую одежду.

— Для кого работает торговая марка «Макс Черницов»: для иностранцев, для гламурной части Москвы или для среднего класса?

— В основном, наши клиенты — молодежь: от студенчества до 40 лет.

— Вы всерьез считаете, что студентам по карману дизайнерская одежда?

— Судите сами: наша олимпийка в ЦУМе, одном из самых дорогих магазинов Москвы, стоит пять тысяч рублей, тогда как рядом висит подобная одежда других компаний стоимостью в 30 тысяч — это доступно, тем более, для Москвы. И еще насчет моих клиентов: я знаю, что мою одежду любят покупать телеведущий Андрей Малахов, мои вещи носит организатор Недели высокой моды в Москве, недавно в ЦУМе несколько моих олимпийек приобрел культовый ди-джей Эрик Марилло, приехавший в Москву.

— То есть сегодня модно иметь майку от Макса Черницова?

— Да. И, если говорить, что доставляет мне самое большое удовольствие, то это две вещи: первое — когда у меня начинается работа над коллекцией. Когда идей много, все они еще не сформированы и бурлят — это и есть настоящий творческий процесс. А второе — уви-

деть где-нибудь в ночном клубе или на презентации красивых загорелых молодых людей в моей одежде.

— А нет желания подойти и сказать: «А это мое!»?

— (смеется — прим. авт.) Да, я тут же тычу в бок своего знакомого и шепчу: это мое.

— То есть не постарею еще, слава богу, не заматерел?

— Нет, не постарел.

— Максим, вы считаете себя состоявшимся человеком?

— Нет, все только начинается. Понимаете, жизнь — это движение. И когда человек почувствовал себя состоявшимся, значит, жизнь остановилась.

— А я считаю, что состоявшийся человек — это тот, кто нашел свое место в жизни. А дальше уже пошло развитие другого уровня.

— Тогда — да, я состоялся. Но все равно, жизнь может повернуться как угодно. Вдруг я ослепну?

— С ума сошли! Что, есть причины так думать?

— Нет, тыфу-тыфу, пока нет, но может случиться что угодно. Всегда может быть и хуже, так что кое в чем я пессимист.

— Да нет, я бы охарактеризовала вас как циничного реалиста. С этой позиции ответьте мне: что для вас значит понятие «престиж»?

— Терпеть не могу это понятие. Очень много престижных дизайнеров, работа которых бессмысленна. Грубо говоря, можно делать непродávаемые коллекции на деньги богатых инвесторов. Но когда этот счет аннулируется, ты снова станешь никем. Это не по мне.

— Я не о том: лично вы и понятие «престиж» совместимы? Ну, скажем, на какой машине вы сейчас ездите?

— У меня ничего нет, я езжу в метро. Наш бизнес пока не такой большой, чтобы я купил себе дорогой автомобиль.

— То есть вы открыто заявляете: я не богат, хоть и популярен.

— Да. И, если говорить, что доставляет мне самое большое удовольствие, то это две вещи: первое — когда у меня начинается работа над коллекцией. Когда идей много, все они еще не сформированы и бурлят — это и есть настоящий творческий процесс. А второе — уви-

— Поэтому неженаты пока?

— Нет, пока работать надо. У меня все мысли направлены на строительство марки, потому что для мужчины главное — свое дело.

— Это в теории. А на практике, когда приходит любовь, ты ничего не можешь с этим поделать.

— Я жесток в своих амбициях и не хочу расплываться.

— Ну, Она уже ждет или Ее пока нет в вашей жизни?

— Пока я не нашел ту, с которой хотел бы связать свою жизнь. Но все впереди.

Рита ДАВЛЕТШИНА.